

ЗВЕЗДЫ И МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

НЕДАВНО в спектакле Московского драматического театра «Мать» дебютировала Лидия Сухаревская. Та самая, что начинала в Ленинградском театре комедии. Затем работала в Московском театре драмы (ныне — имени Вл. Маяковского), Театре-студии киноактера, Театре сатиры, снималась в кино... Сухаревская играла в спектаклях, поставленных Д. Гутманом, Р. Суловичем, В. Соловьевым, Р. Корфом, Н. Рашевской, Н. Акимовым, Н. Охлопковым, А. Эфросом, Э. Гариним, В. Плучеком, С. Барканом... И всегда оставалась... Сухаревской. Хорошо это или плохо? И что значит — оставаться самой собой? А как быть с перевоплощением? И нужен ли такой kaleidoscope режиссеров и театров? А где же ансамбль? Может быть, это и есть рецидив «звездной» болезни?..

Героиня драмы Карела Чапека «Мать» виделась многим фигурой монументальной. С. Гиацинтова, Е. Гоголева, А. Тарасова — актрисы разного плана. Но каждую из них можно представить в этой роли. И вдруг — Сухаревская. На сцену вышла обыкновенная женщина, обремененная множеством обыкновенных забот. Она ни на минуту не остается без дела. Говорит и складывает вещи. Слушает и убирает комнату. У нее перевязан палец. Очевидно, что-то не ладилось на кухне... Ей некогда причешется, и она никогда не снимает передник. Но к этому в доме все привыкли: она — мать. И не какая-то особенная, выдающаяся, «с большой буквы», а самая, так сказать, обыкновенная, рядовая.

У нее был муж. Они жили счастливо, и она родила ему четырех сыновей. Пятый появился, когда мужа уже не стало: война...

Несладка вдовья доля. Но мать, как могла, воспитала своих сыновей. Ондра стал врачом. Иржи — летчиком. Казалось бы, все хорошо. Но первый уехал в Африку бороться с эпидемией, а второй решил установить новый мировой рекорд. И оба погибли. Погибли из-за нас и для нас... В скорбном молчании склоним мы головы перед свежими их могилами. И спустя год не забудем принести сюда живые цветы... Но все это — лишь святой долг живых перед памятью о мертвых. А для матери они не умрут никогда...

Всякий раз, когда ей захочется поговорить с ними, она спустится по внутренней лестнице в кабинет покойного мужа, задумается и тут же увидит их...

Они появятся здесь не сразу. Первым, конечно, придет отец. Затем — Ондра и Иржи. А теперь мать встретила здесь и младших... Один только Тони остался в живых. Но его она уже никому не отдаст. Тони — слабый мальчик, ему нельзя воевать. И потом, что будет с ней, если погибнет и он? Нет, Тони останется здесь. Пусть помолчит радиоприемник. Она закроет его старым клетчатый пледом, как прежде заворачивала ужин для тех, кто не приехал вовремя.

Мать ненавидит радио. Ненавидит и боится. Наверное, у диктора никогда не было своих детей, поэтому ему легко призывать на фронт чужих. Но вдруг во время очередной передачи голос в приемнике дрогнул: читая последние известия, диктор узнала о смерти собственного сына... С этой минуты наша мать стала по-иному относиться к той, другой матери. Молча пере-

жив вместе с ней общее материнское горе, неслышно подошла она к приемнику и украдкой примиряюще погладила его полированную крышку...

И все же она спрячет винтовку куда-нибудь подальше, как на всякий случай прячут спички, оставшаяся дома несовершеннолетних детей...

А когда Тони сбросит школьный ранец и скажет, что он идет воевать, она в первый раз повысит голос. И мы вместе с Тони на минуту умолкнем, потому что нам станет ясно: мать начинает славаться. Но когда по радио скажут, что враг не шадит ни детей, ни больных, она сама вложит в руки сына винтовку. Вложит просто, без театральной многозначительности, как по утрам отдавала завтрак, когда он убежал в школу. И проведет спокойно, без слез, будто идет он не на смерть...

Простая женщина, каких тысячи. Она не хочет войны. Она ненавидит ее. Но когда убивают стариков и младенцев, она сама готова взять в руки оружие.

Вот и все, что рассказала нам Лидия Сухаревская, рассказала просто, но выразительно. Не только умно, но и внутренне эмоционально.

Спектакль окончен. Но мысль наша продолжает работать. И не только о судьбе матери думаем мы. Но и о судьбе актрисы.

Лидия Сухаревская в прошлом году сыграла всего одну роль — миссис Хэшебай в спектакле Театра сатиры «Дом, где разбиваются сердца» Б. Шоу. А перед этим она выступила в собственной пьесе «Несущий в себе» в Центральной студии киноактера «Мосфильма». Три года, три роли, три театра, три режиссера, три автора, три коллектива...

Может быть, у актрисы трудный характер? Или ей нравится положение гастролера?

У меня в руках небольшая книжечка, изданная еще в 1939 году в Ленинграде, где Л. П. Сухаревская писала: «Я не хочу быть актрисой, которая «не ведает, что творит», а хочу быть вполне ответственной вместе с режиссером и за ошибки, и за успехи. Хочу «ведать» и «познать» — это главное».

Так вот, оказывается, в чем дело! Еще в пору своей юности Л. Сухаревская мечтала о таких отношениях с режиссером, при которых она могла бы сказать: «Эту роль сделали мы». Она не хотела повторять за другими: «Мне так велел режиссер».

Активное творческое начало помогло Сухаревской сохранить и развить свою индивидуальность. Она не боялась ролей отрицательных и положительных, смешных и грустных. Но она никогда не бралась за роли скучные, плохие. «А зачем?» — спрашивает актриса, удивленно глядя вам в глаза...

Конечно, это не так просто: всю жизнь «быть в пути». Совсем не просто. Но что поделаешь, если постоянно хочется настоящей работы! Есть замечательные актеры, которые годами ничего не играют и не репетируют. Время от времени о них вспоминают критики для того, чтобы пожурились театры за невнимание к талантам. День-другой после выхода статьи руководители думают, как бы и в самом деле найти работу таким актерам. А на третий все об этом забывают. Кроме того артиста, который еще

больше чувствует себя ущемленным.

Иначе складывается творческая судьба Лидии Павловны Сухаревской. Она не может сидеть без дела: ведь жизнь-то не стоит на месте. И прожитого никогда не вернуть. Нет новой интересной работы, значит, надо ее искать.

Человек сам несет в себе свое счастье, свою судьбу. Об этом написала сценарий и пьесу Лидия Сухаревская и назвала ее «Несущий в себе». Ей необходима была такая пьеса, такая роль. Но драматурги в это время писали о другом. И тогда актриса сама взялась за перо, потому что ей хотелось говорить именно об этом.

Завидное это качество в индивидуальности человеческой, особенно важное в актерском деле. Плохо, что не у всех оно одинаково развито. Иначе бы давно уже прекратились разговоры об актерских простоях. И никто бы никого не журил. И не ждал бы ненаписанных пьес. Человек сам строит свое счастье. Он не имеет права жаловаться на обстоятельства и говорить «мне так велел режиссер».

Московский Художественный театр. Станиславский и Немирович-Данченко. Это они восстали против гастролерства на драматической сцене. Это они провозгласили единый ансамбль. Но... из кого он был составлен? Москвин и Качалов, Тарханов и Книппер-Чехова, Леонидов и Лиллина... А затем Тарасова и Ливанов, Хмелев и Добронравов, Яншин и Кедров...

Все вместе во МХАТе они составили ансамбль. Но представьте каждого из них в отдельности в любом другом театре? Так ведь это были бы самые настоящие «звезды»!

Станиславский и Немирович-Данченко мечтали о том, чтобы все актеры МХАТа говорили на одном языке, но эти их стремления ни в коей мере не мешали развитию ярчайших индивидуальностей.

К сожалению, понятие «ансамбль» сегодня истолковывается несколько однобоко: важно, чтобы все говорили на одном языке. А между тем не менее важно, каков этот самый язык, на кого равняется коллектив. Если это посредственность, то что за радость от такого ансамбля?

Иногда нелегко понять, почему не нравится данный театр. Но рано или поздно придет сюда новый, настоящий актер, и всем все станет понятно. И чем талантливее этот актер, тем труднее ему будет найти общий язык с привычными к «середняку» коллегами. Он останется «звездой» до тех пор, пока рядом с ним не появятся достойные партнеры.

Где тогда искать выход? Не всегда вокруг стабилизировавшегося коллектива можно и нужно строить настоящий театр. Прежде всего нужно выяснить, на какой основе произошла эта стабилизация. В каком состоянии сегодня находится театр?

Говорят, что театры возникают вокруг талантливых авторов, режиссеров. И правильно говорят. Но театры могут возникать и вокруг талантливых актеров. И чем больше «звезд» будет в одной труппе, тем ярче будет театральное небо. Об этом в последнее время почему-то стали забывать.

Б. ПОУРОВСКИЙ.